

Вос. трибуна. — 1991. — 24 сент. От первого лица

Татьяна ЛЕЩЕНКО-СУХОМЛИНА: «В САМЫЕ ЖЕСТОКИЕ СТАЛИНСКИЕ ВРЕМЕНА МНЕ СЯЛА НЕЖДААННАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДОБРОТА»

«Долгое будущее». Дневник-воспоминание. (Издательство «Советский писатель»). Автор — Татьяна Лещенко-Сухомякина. Перед нами удивительная судьба. «Я считаю себя счастливой, потому что я очень любила и меня очень любили», — так пишет человек, своей жизнью измеривший всю глубину постигших Россию утрат.

Дочь ученого-агронома и пианистки, Татьяна Лещенко воспитывалась в Екатерининском институте благородных девиц в Москве. В начале 20-х годов она выходит замуж за американца Бенджамина Пеппера, юриста, специалиста по литературным плагиатам. Вместе они уезжают в Нью-Йорк. Татьяна оканчивает школу журналистики при Колумбийском университете. Играет на сцене «Нью-плейрайтс театр» (Театра новых драматургов). Ее жизнь в Америке насыщена до предела впечатлениями, событиями, встречами. Но тоска по Родине не оставляет ни на минуту. Татьяна расстается с мужем и возвращается домой, на всю жизнь сохранив о Бенджамине светлые, добрые воспоминания.

А в это время в России, в конце 20-х годов, свирепствует закон о «лишенцах», идет беспощадная травля интеллигенции. Татьяна оказывается лишней, бесправной в своей стране.

Она едет в Париж. Изучает западную литературу, собирает фольклор. В 1931 году Лейпцигское издательство «Петрополис» публикует в ее переводе нашумевший тогда роман Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» (ныне — один из самых популярных у нас бестселлеров).

В Париже Татьяна знакомится со скульпто-

ром Дмитрием Цаплиным и становится его женой.

Татьяна Ивановна часто вспоминает, как многие зарубежные газеты тех лет наперебой писали о Цаплине, называя его «гениальным русским мужиком с Волги». Цаплин был командирован Луначарским в Европу на стажировку в начале 30-х годов. Вскоре весть о его таланте облетела весь мир. За его скульптуры предлагали колоссальные деньги. Но Цаплин не продал ни одну. Он делал их для России, куда они всей семьей навсегда вернулись в 1935 году. На Родине его не признали...

Татьяну Лещенко арестовали и осудили по статье 58-10. Близкая подруга донесла на нее. В ее деле фигурировала неосторожно оброненная ею фраза: «Сталин не заботится о простых людях». После года тюрьмы на Лубянке и в одиночке тюрьмы в Лефортове ее отправляют на Воркуту, присудив восемь лет лагерей. Прямо из воркутинской пересылки Татьяна попадает в музыкально-драматический театр «Воркутстрой» НКВД, в котором работают десятки заключенных, талантливых музыкантов, артистов, художников. Она играет в спектаклях, аккомпанирует, переписывает клавиры... Но в 1952 году — снова этап. Всех заключенных из театра рассылают по разным лагерям. Татьяну отправляют на станцию Сивая Маска, в совхоз «Горняк», где, желая заработать зачеты и тем самым сократить свой срок, она берется выполнять самую тяжелую работу...

Многие из воспоминаний тех лет в книгу не вошли. Сегодня мы публикуем некоторые из них.

Наталья ГОРОБЕЦ.

1. ДОЛГОЕ БУДУЩЕЕ

«Опять, одолевают воспоминания.

Наряду с бессмысленной, а вернее, умышленной жестокостью сталинской эпохи я встречала там, на Воркуте, будучи в заключении, такую неожиданную сияющую доброту...

На пятый год моего пребывания в лагере я была «расконвоирована» — ходила одна, без надзора. Глубокой ночью возвращалась в лагерь из театра — по безлюдно, во тьме. Изредка гробовую тишину нарушал дикий разбойничий посвист, словно с одного берега через реку на другой берег подавали какой-то сигнал. Козин (однофамилец знаменитого певца, «сидевшего» в лагере на Колыме), по слухам, уголовник, а в нашем театре игравший (и талантливо) роли комика-простака в опереттах, лихо отплясывавший чечетку, однажды, отозвав меня в театре в сторону, сказал: «Вы идите, не бойтесь. Вас никто никогда не тронет. Идите спокойно!» Но я смертельно боялась! Ведь это семь километров надо было пройти черной-то ночью, в лютый мороз!.. Я набралась храбрости и пошла к начальнику лагеря: «Гражданин начальник, я из театра поздно ночью одна возвращаюсь, боюсь очень! Может быть, с завода рабочая смена в лагерь идет, я бы с ними...»

Пожилой, небольшого роста, с умным, жестким лицом военный внимательно поглядел на меня. «Ладно. Идите», — сказал он. На другой день в театре был выходной, я никуда из барака не выходила. Вечером в наш барак вошла молодая девушка в сопровождении надзирательницы: «Где тут Лещенко-Пеппер?» Я подошла к ним. Молоденькая сказала: «Отец мне говорил о вас. Я возвращаюсь поздно из Воркутского вечернего университета к лагерю — мы тут совсем близко живем. Я буду за вами в театр заходить, и возвращаться будем вместе. Нас никто тронуть не посмеет. Я завтра за вами зайду. Меня Фридой звать».

Как я обрадовалась! Фрида заходила за мной, и мы шли вместе — я шла, не боясь... Чудесная, умная девушка!

А потом, помню, мартовское утро. Светало. Я вышла из вахты, бреду по дороге в театр. Неподдалеку у дороги домик — на пороге стоит Фрида, машет мне, чтобы я зашла в дом, и прикладывает палец к губам в знак молчания. Через сени захожу в большую бедно обставленную комнату, топится печь, тепло. Пожилая женщина с приятным лицом и мальчик лет 10—12 во все глаза смотрят на меня, особенно запомнился мне сочувствующий взгляд мальчика. Жестом приглашают к столу. Пожилая ставит передо мной большую сковородку с жареной картошкой, рядом — большую чашку кофе с молоком, горячую и с сахаром — вкуснейшую! Горкой лежит белый хлеб. А картошка, тающая во рту, лучше всякого ананаса. В комнате царит молчание. Я ем — горючиться не умею, — ем и пью с наслаждением и понимаю, что хозяйка — это жена начальника лагеря, мать Фриды, мальчик — брат Фриды. Они евреи. Они жалуют меня, понимают, что нет на мне никакой вины. Я преисполнена глубокой благодарности за их доброту, сочувствие, великодушное милосердие — ведь глава семьи, если узнается их поступок, лишится чина капитана, партийного билета и т. д. Молча встаю, кланяюсь, шепчу: «Спасибо, спасибо!» — и ухожу. Мальчик открыл двери, зорко осмотрел пустынную дорогу...

Я, словно на крыльях, спустилась к реке, перешла ее по тропотанной в глубоком снегу тропке на другой берег к крутой, обледелой лест-

нице, перила шатались. С трудом взлезла в гору наверх и пошла в театр по тропинке в снегу, унося в сердце тепло этой комнаты, взгляды сочувствия, сострадания ее обитателей. Навсегда запомнила я их. И сейчас мысленно кланяюсь им до земли. Найти бы их, но как? Фамилий-то мы ведь не знали...

Назавтра — этап. К тому времени из Воркутского театра удалили всех заключенных. Только меня и портниху Елизавету Михайловну оставили еще на целый год. А теперь пришел и наш черед. Нас отправляли на Сивую Маску, в совхоз «Горняк».

Станция Сивая Маска была на 110 километров южнее Воркуты. Там росли тощие елочки и березки (низенькие, жалкие, но они были!) — это уже не безлесье тундры.

лежала в кроватке одна в комнате и была миленькая, очень миленькая, вела себя смирно, кричала нечасто. Все пять блатных мамок (и мои питомцы) болели сифилисом. Особенно выделялась одна из них — мать мальчишки, толстая, т. к. бывала то «коблом», то женщиной и рожала уже четвертого малыша.

Я работала в яслях недели две, дети с первого же дня ко мне привыкли, и их мамки, приходившие к ним в 3 часа дня, тоже хорошо ко мне относились. Обычно, когда дети спали — от часа дня до трех, — я могла сама отдохнуть, но шестимесячную малышку надо было кормить в положенные часы. Я ушла на кухню подогреть в бутылочке молоко и вдруг услышала быстро

Хотя сожительство в лагерях было запрещено, преследовалось, — оно имело место, и при лагере всегда были детские ясли, где содержались дети до четырех-пяти лет, иной раз всего до трех, а затем этих деток отправляли в детские дома на воле, разлучая их с матерями. Конечно, 90 процентов «мамок» были из блатных и подчас любили своих малюток. Но, например, знаменитая Тигр — такая кличка была у маленькой блатной с детским личиком — своих детей, как только им исполнился год, по слухам, убивала, прокалывая иглой темечко, а затем рожала новых: по беременности от работы освобождали, повышали паек. На воле Тигр была многократной убийцей. Эту маленькую девочку все боялись, и за ней ухаживали мелкие воровки, так называемые «шестерки». Она ходила в их окружении. Со мной вежливо здоровалась, я вежливо ей отвечала.

По доброте желая меня устроить на «легкую» работу, молодая докторша в детских яслях назначила меня нянечкой по уходу за пятью ненормальными четырехлетними детьми — два мальчика и три девочки, — они жили в хорошем светлом бараке, отдельно от других детей. Надо сказать, что ребят при лагере содержали вполне хорошо — в чистоте, уходе, сытно кормили. Я приходила в ясли утром, а в 5 часов могла уходить, меня сменяла «вечерняя» нянечка. Дети мои были тихие, но, ох, трудные! Не желали есть, днем не желали спать, не желали ходить гулять и поминутно требовали к себе моего внимания. И я их всем сердцем жалела.

Из моих трех девочек две были четырехлетние, а третья — шестимесячная. Она

оборвавшийся вопль. Я кинулась в комнату новорожденной и обмерла от ужаса: вторая девочка, самая молчаливая и тихая, стояла у кроватки малышки и изо всех сил злобно колошматил ее по голому животу. Малышка, вся синяя, лежала молча. Я оттащила злую девочку в спальню, захлопнула ее в постель — «мертвый час» еще не кончился — и вернулась к малышке. К молоку она не притронулась, лежала молча. К вечеру температура у нее была около 40°.

На другой день в бараке моя подруга сказала мне, что мамка малышки собирается убить меня, если та не выздоровеет. Ей поможет Зинка-Кобел. Они решили, что я нарочно сглазила девочку. Подруга знала от меня, в чем было дело, и сочла, что если я пожалуюсь на злую девочку, ее мамка, в свою очередь, меня зарежет... Три дня за мной по пятам ходили малышкина мамка и Кобел. А я молилась — это все, что мне оставалось. На четвертый день девочка сталаправляться...

И тогда я пошла к молодой докторше, чуть ли не в ноги ей повалилась, рассказала наконец всю правду и просила, очень просила «отчислить» меня от этой должности. Она все поняла и отпустила.

До сих пор помню руки одной из девочек. У нее было хорошенькое личико, но пальцы на руках преувеличенно длинные и тонкие, как червячки... Бедные дети!

О том, что пришлось пережить, можно рассказывать много. Забыть это невозможно...

(Продолжение следует).

На снимке: Татьяна Лещенко-Сухомякина с гитарами работы Батова и Краснощекова.

308